
**НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА
В УЗБЕКИСТАНЕ**

СБОРНИК

ГОСИЗДАТ УССР — 1947 — ТАШКЕНТ

Тридцатилетие
ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА
В УЗБЕКИСТАНЕ

СБОРНИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УзССР
ТАШКЕНТ-1947

И. К. ДОДОНОВ

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА
В УЗБЕКИСТАНЕ ***

!

В июле 1916 года произошло национально-освободительное восстание узбекского народа. Вслед за узбекским народом в борьбу вступили таджики, казахи, киргизы, туркмены и другие народы Средней Азии. Выступили на борьбу с царизмом и народы Заволжья. Это весьма важное историческое событие должно было стать предметом серьезного изучения. Однако до сих пор мы почти не имеем научно-исследовательских работ по этому вопросу. Это выдвигает перед научными работниками и преподавателями вузов, в качестве первоочередной задачи, марксистско-ленинскую разработку вопросов восстания 1916 года в Узбекистане. В настоящем докладе я попытаюсь, на основе опубликованных и неопубликованных архивных материалов, осветить, хотя бы кратко, некоторые вопросы восстания. Я коснусь характеристики исторических условий, социально-экономических предпосылок и хода восстания в отдельных районах, а также характера и движущих сил восстания.

* Сокращенное изложение доклада, прочитанного на объединенной научной конференции АН УзССР, Института истории КП(б)Уз и САГУ от 29 июля 1946 года.

II

Какова была общая историческая обстановка, в которой происходили события 1916 года, каковы особенности этих событий?

Одна из особенностей восстания 1916 года состояла в том, что оно произошло в эпоху империализма — кануна пролетарской революции. Всеобщий кризис, загнивание системы капитализма в период империализма сопровождается усилением национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. Крушение и гибель системы империализма, как учат Ленин и Сталин, сопровождаются восстаниями угнетенных наций в колониях и зависимых странах. В конце XIX и в начале XX вв., перед первой мировой войной, происходит ряд национально-освободительных восстаний: освободительная борьба народов Африки, героическая борьба буров в Южной Африке против английского империализма, народные восстания в Китае, восстание индийских войск в Сингапуре, попытки восстаний во французском Аннаме и немецком Камеруне, крестьянские волнения в Восточном Бенгале (Индия), всеобщая забастовка в Бомбее, известное восстание ирландского народа против английского империализма и т. д.

В то же время национально-освободительное восстание трудящихся в Узбекистане в 1916 году было одним из проявлений назревавшего революционного кризиса в царской России. Новый революционный подъем 1912—1914 гг. в России сливался с национально-освободительным движением окраин. В таких промышленных центрах, как Петербург, Москва, Баку, Лодзь и др. стачки и забастовки захватывали большинство рабочих, они становились более упорными, продолжительными.

Революционное движение рабочего класса в России оказывало влияние на подъем национально-освободительного движения на окраинах.

III

Каковы были социально-экономические предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане?

Важнейшим явлением в истории России конца XIX и начала XX вв. был переход ее в империалистическую стадию развития.

Это обстоятельство не могло не отразиться на положении Узбекистана — колонии чистейшего типа. Капитализм проникал в народное хозяйство страны. Резко повысился спрос текстильной промышленности России на хлопок. Бывший Туркестан должен был полностью обеспечить хлопком русскую текстильную промышленность, и капиталисты выкачивали это сырье самыми хитростями методами.

Весь этот край, в том числе и Узбекистан, был превращен в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

Хлопкоробы своим трудом на хлопковых плантациях, своим потом и кровью создавали благополучие русским купцам и фабрикантам, благополучие местным баям и феодалам, комиссионерам и скупщикам хлопка. Ростовщический капитал, подобно спруту, высасывал из дехкан последние жизненные соки. К этому прибавлялся тяжелый налоговый гнет. За время господства царских колонизаторов налоговой гнет в Узбекистане возрос в 4—5 раз, в отдельных случаях до 15 раз. Происходило массовое обнищание дехканства. Земля концентрировалась в руках местных феодалов, баев и русских кулаков-переселенцев. С каждым годом увеличивалось число безземельных и малоземельных дехкан, большие размеры получила издольная аренда — чайрикерство.

Русский военно-феодальный империализм превратил царскую Россию «в тюрьму народов», в очаг «всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме».*

Царизм создал в Средней Азии режим жесточайшего угнетения народов.

Во главе управления краем был поставлен генерал-губернатор, пользовавшийся неограниченной властью. Местное трудящееся население было лишено элементарных прав, оно было низведено на степень забитых рабов.

* И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 1.

Все государственные должности были заняты царскими чиновниками. Низовая администрация — волостные управители, аксакалы, казии и др. — подбирались из числа феодалов и баев — агентов царизма.

Царизм проводил в Узбекистане политику руссификации, всячески преследуя развитие узбекской национальной культуры и просвещения; сознательно стремился держать народные массы в рабстве и невежестве.

Однако завоевание Средней Азии русским царизмом имело и свои положительные черты, оно включило Туркестан в сферу более передовой экономики России. В стране постепенно разрушались феодальные отношения, росла русская и национальная капиталистическая промышленность.

Зарождались новые общественные классы, промышленная буржуазия и пролетариат.

Развитие рабочего класса в Узбекистане, неизбежное соприкосновение узбекских трудящихся масс с русским пролетариатом, с политическими ссыльными привело к росту политического самосознания узбекского народа.

С момента утверждения царского господства в Средней Азии развивается национально-освободительная борьба узбекского народа.

Русская революция 1905 — 1907 гг. подняла трудящиеся массы узбекского народа на борьбу против царских колонизаторов и «своих» национальных угнетателей.

Рабочие-узбеки вместе с русскими рабочими участвовали в стачках, забастовках и митингах. Росло революционное движение среди дехканства. Узбекские промышленные рабочие, связанные с кишлаком, выступали проводниками революционных идей.

На опыте борьбы русского пролетариата в 1905 — 1907 гг. узбекский народ учился, как надо бороться с царским самодержавием и местными эксплуататорами. Именно революционная практика, полученная в 1905 — 1907 гг., определила широкий размах и массовый характер национально-освободительного движения 1916 г.

Первая мировая война ещё больше ухудшила положение трудящихся, вся тяжесть войны легла на плечи дехканства и городской бедноты. Сельское хозяйство гришло в упадок. Резко сократилось животноводство. Дехканство облагалось военным налогом, а под видом «добровольных пожертвований» производились разного рода дополнительные сборы. Происходили мобилизации лошадей, инвентаря, одна за другой следовали всякого рода реквизиции и поборы. В 1915 году московские фабриканты и торговые фирмы установили крайне низкие «нормированные» цены на хлопок.

Среди местного трудового населения усиливалась ненависть к царизму. Обострялись национальные и классовые противоречия. Чаще стали проявляться вспышки недовольства господством царских колонизаторов. Во многих районах Узбекистана происходили волнения, кишлачная беднота, вооружившись чем попало, нападала на волостных управителей, баев, громила конторы хлопкоочистительных заводов. Увеличивалось, как доносили военные губернаторы с мест, число «преступлений против порядка управления», развивалось национально-освободительное движение в крае. Назревал кризис всего колониального режима.

IV.

Основной движущей силой национально-освободительного восстания 1916 года были трудящиеся массы города и кишлака. Главная масса участников восстания состояла из бедняцких слоев дехканства и городской бедноты. Так, например, из 23 наиболее видных руководителей Джизакского восстания на долю дехкан, ремесленников и рабочих приходилось 14 человек, на долю мелких торговцев — лишь 4 человека. Активное участие в восстании принимали батрацкие слои кишлаков. Важно подчеркнуть, что в восстании участвовали и отдельные группы рабочих из числа узбеков, это — рабочие железных дорог, хлопкоочистительных заводов и ташкентского трамвая. В восстании участвовали кустари, ремесленники и передовая часть узбекской интеллигенции, которая стремилась к ликвидации национально-колониального

гнета со стороны российского военно-феодалного империализма.

Восставшие массы в ходе борьбы выдвигали своих организаторов и руководителей. Среди них выделялся Шайзак Садыков (кишлак Бахмал, Санзарской волости). Он сумел объединить население окружающих кишлаков и повести его в Заамин против карательных войск царизма. В Яны-Курганской волости выдвинулись, как руководители, дехканин Мавлян Аймаатов, бедняк Калтай Умар Ачилов, дехкне братья Хусаиновы.

После Андижанского восстания 1898 г. царское правительство путем уступок и льгот местной феодальной верхушке и духовенству стремилось создать себе опору среди коренного населения края. «Русский порядок управления» краем обеспечивал национальной буржуазии получение огромных доходов. Поэтому в основном местное байство стояло за сохранение колониального режима в Туркестане.

Джадиды — идеологи торгово-промышленной буржуазии — в восстании 1916 года выступали на стороне царизма. Угроза революции заставляла буржуазию метрополии и колонии искать общий язык и выступать единым фронтом в борьбе против народного восстания. В событиях 1916 года джадиды показали себя в роли презренных холопов царизма.

Еще в период обнародования царского указа о наборе на тыловые работы джадидские лидеры выступали, как правило, активными помощниками генерал-губернатора по набору рабочих. Джадиды организовали в Коканде, Ташкенте и Скобелеве комитеты содействия набору на тыловые работы. Руководящую роль в этих комитетах играли лидеры джадидов — Абдуллабеков, Сагаджбаев, Убайдулла Ходжаев, Сарымсак Ходжаев, Расуль Ходжаев, Мирза Касым Мунавар Кары и джадидский поэт Авляни, который всячески прославлял генерала Куропаткина.

Лидеры джадидов устраивали казенно-патриотические демонстрации. Так, 16 сентября 1916 года в мечети гор. Ташкента они появились с национальными русскими флагами, портретами царя, царицы и Куропаткина. Распе-

вали наспех сочиненные джадидскими поэтами песни «Вопль родины», «Песня мардикеров», «Слово, сказанное матерью своему сыну» и т. п. Во всех этих произведениях джадиды выражали свои верноподданнические чувства и призывали жертвовать всем во имя белого царя. Два видных туркестанских джадиды, в связи с набором на тыловые работы, издали на узбекском языке брошюру, в которой призывали население подчиниться приказу царя. «Да здравствует царь!», «Да здравствует белый царь!» — таковы лозунги брошюры.*

Отдельные представители феодальной верхушки и духовенства, оказавшись в районах восстания, пытались взять на себя руководство восстанием с тем, чтобы повести его под реакционными панисламистскими лозунгами «священной войны». Революционные требования свержения власти царских колонизаторов и местных угнетателей они стремились подменить лозунгами газавата. Казий Туракул Турадбеков, помещик Абдурахман джевачи и некоторые другие объявили себя беками.

Исполняющий должность генерал-губернатора края генерал Ерофеев в телеграмме на имя военного министра писал: «Найдено четыре собственноручных письма арестованного ранее главаря мятежников Абдурахмана джевачи, уличающие его в объявлении священной войны с призывом всего мусульманского населения к нападению на Джизак».** Отряд Абдурахмана джевачи имел знамена из белой материи. Надписи на знаменах, сделанные черной краской от руки, гласили: «Нет бога, кроме бога, и Мухамед его пророк».

Но их попытки не могли изменить общего характера и целей национально-освободительного движения трудящихся масс, а дальнейшие события показали всему узбекскому народу, какую двойственную предательскую политику проводили эти люди в период восстания.

Абдурахман джевачи в разгар Джизакского восстания 14 июля прятал у себя на квартире пристава Борилло, а в самый напряженный момент борьбы сдался на

* Восстание 1916 г. в Средней Азии, сб. докум., вып. 1, 1932 г., стр. 8.

** ЦИА УзССР, ф. 11 с., КТГГ, д. 1206, л. 4.

нильность победителей. В своих показаниях на суде Абдурахман джевачи говорил, что, собственно, он не виноват, его насильно втянули в восстание, всячески выражал свои верноподданнические чувства и доказывал свою постоянную привязанность к царизму.

По своему классовому содержанию восстание 1916 года носило революционный, антиимпериалистический и антифеодальный характер.

Донесение генерал-губернатора Куропаткина на имя царя отмечает, что народные массы, вовлеченные в движение, проявили прежде всего резкую враждебность к царским колонизаторам. «Характерным показателем враждебной нам агитации,— писал Куропаткин,— может служить тот факт, что взбунтовавшиеся туземцы Джизакского уезда (не только одного этого уезда — И. Д.) избивали русских людей, кричали, что они не хотят быть больше русско-подданными».*

Борьба за свержение власти царских колонизаторов была главным, основным лозунгом восстания. В своем докладе (декабрь 1916 г.) самаркандский военный губернатор Лыкошин писал, что выступление населения во вверенной ему области «...вылилось в форму открытого восстания против русского правительства».**

Восстание было направлено также и против местных феодалов и байства. В экономическом и политическом отношении эти группы феодального общества превращались в придаток буржуазии метрополии, срастались с ней. Царские колонизаторы нередко в своих мероприятиях опирались на местную буржуазию и феодальную верхушку.

Вполне естественным был гнев народных масс против угнетателей. Повстанцы уничтожали как царских колонизаторов, так и представителей местной администрации — старшин, пятидесятников, влиятельных баев и т. п.

История крестьянских войн учит, что борьба крестьян с феодалами, как правило, носит локальный (мест-

* ЦИА УзССР, ф. 11, КТГГ, д. 1196, л. 7.

** Восстание 1916 г. в Средней Азии, сб. докум., вып. 1, 1932 г., стр. 13.

ный) характер. Это происходит потому, что «местное и провинциальное раздробление», в котором пребывает класс крестьянства, не дает ему «возвыситься над местными и провинциальными интересами».*

Восстание 1916 года в Узбекистане в этом отношении не являлось исключением. Восставшие не выходили обычно за пределы волости и уезда.

Отдельные попытки объединить усилия нескольких волостей (исключая Джизак и пригородные волости Ташкента) успеха не имели.

Как происходило само восстание? Вкратце охарактеризуем его основные моменты.

25 июня 1916 года царское правительство издало указ за № 1526 «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны, работ». В народе его называли указом о наборе на тыловые работы. В первую очередь подлежали призыву мужчины в возрасте от 19 до 31 года. Это должно было составить по всей Средней Азии свыше 200 тысяч человек (Сыр-Дарьинская область — 60.000, Ферганская область — 51.232, Самаркандская область — 32.407 человек и т. д.). Этот указ явился непосредственным поводом к национально-освободительному восстанию в Узбекистане. Он был получен в самый разгар полевых работ и грозил срывом уборки урожая. Местная администрация решила посемейных списков не составлять, а дать твердый наряд. Недовольство широких народных масс, вызванное указом от 25 июня, еще больше усилилось, когда 11 июля 1916 года было получено из Петрограда дополнительное разъяснение о полном освобождении от призыва духовенства, купцов, баев и их сынков. Вся тяжесть набора, таким образом, ложилась на кышлачную и городскую бедноту.

* Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, 1930 г., стр. 196.

Возмущение народа росло. Бедняки открыто стали говорить, что если не будут взяты на работу богачи, то они расправятся с ними.

Общепародное недовольство в начале июля 1916 года переросло в открытое вооруженное восстание. Оно проходило в форме массовых выступлений населения с требованием отмены набора и уничтожения списков призываемых.

4 июля в г. Ходженте, Самаркандской области, городская беднота, кустари и дехкане ближайших к городу кишлаков устроили трехтысячную демонстрацию протеста против набора на тыловые работы. Предводителями этого выступления были Ишан-хан Урунов, Абдуразак Мараймов и др. В демонстрации участвовало много женщин и детей. Полиция приказала разойтись, но демонстранты держались непоколебимо. Произошло столкновение с полицией и солдатами. В толпу было произведено несколько выстрелов, причем из числа участников демонстрации оказалось двое убитых и один раненый. Демонстранты были рассеяны.

В тот же день большая толпа дехкан Каль-Курганской волости, Катта-Курганского уезда, Самаркандской области, собралась в Каль-Кургане и поклялась убить волостного управителя, народного судью и других сторонников царизма. 5 июля произошло восстание трудящихся на станции Куропаткино и в кишлаке Ургут, Самаркандской области. Восставшие, в количестве до 2000 человек, напали в кишлаке Ургут на сельского старшину Зияева, избили его, отобрали списки призываемых и торжественно их уничтожили. Массовые выступления с требованием прекратить набор рабочих происходили также в кишлаке Дагбид и в Ишим-Аксакской волости, Самаркандского уезда. Самаркандский военный губернатор Лыкошин распределил воинские силы по отдельным районам, готовя их к подавлению малейших проявлений недовольства. Принимались меры к усилению гарнизонов в крупных городах.

11 июля поднялась городская беднота и рабочие старого города Ташкента. Царская охранка отмечала в своих донесениях, что среди местного населения идет

сильное брожение, причем особое недовольство проявляется в связи с освобождением богачей от призыва; Здесь быстро определились вожди восстания. Среди них заметную роль играл Абдурахман Мулла Хакимов.

Непосредственным поводом к восстанию в Ташкенте явилось увеличение наряда призываемых на тыловые работы: вместо первоначально установленной цифры в 7 тысяч человек, наряд был увеличен до 12 тысяч человек.

Еще 7 июля в Шейхантаурской мечети были созваны пятидесятники. Их обязали срочно дать рабочих. 11 июля пятидесятники были вызваны в полицейское управление. С ними должен был говорить военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал-лейтенант Галкин. Но еще до его приезда перед полицейским управлением собралась большая толпа женщин. Позади их стояло много мужчин. Стали раздаваться выкрики: «Рабочих не дадим — лучше умрем!» Полиция пыталась потеснить женщин, однако, под напором народа сама вынуждена была отступить в здание полицейского управления. Полицеймейстер Мочалов угрозами хотел заставить толпу разойтись. Но толпа не расходилась. Тогда Мочалов отдал распоряжение стрелять. В это время старая узбечка Ризбон-биби Ахмеджанова сорвала с себя паранджу и крикнула: «Не отдам сына, лучше убей меня!» Полицеймейстер Мочалов тут же собственноручно застрелил Ризбон-биби Ахмеджанову. Восставшие бросились на полицейских, один из них был убит. Народ пытался обезоружить полицейских. «Полиция вынуждена была открыть огонь, среди туземцев оказалось убитыми и умершими от ран 11 человек и ранеными пять человек».* Восставшие стремились ворваться в здание, они взломали часть оконной решетки и с криками «убивайте городовых и полицию» хлынули в сад, примыкавший к полицейскому управлению. У одного полицейского был отнят револьвер, у другого — шашка. В окно здания полетели камни. Только при помощи прибывших войск восстание было подавлено.

Восстание в Ташкенте послужило толчком для дальнейшего углубления и расширения национально-освободи-

* ЦИА УзССР, ф. 11 с., КТГГ, д. 1233, л. 2,

сельного движения в других городах, районах и волостях Узбекистана.

Вслед за Ташкентом поднялось население Китай-Тюбинской, Пскентской и Кенджигалинской волостей Ташкентского уезда.

В Той-Тюбинской волости восставшие собрались 13 июля на волостной сход в количестве свыше тысячи человек. Участники схода заявили об отказе выполнить наряд. Затем повстанцы убили волостного управителя, сожгли его канцелярию и уничтожили все дела. Для подавления восстания был направлен карательный отряд подполковника Афанасьева, который принялся истреблять население, без суда и следствия расстреливал десятки и сотни людей и предавал огню кишлаки.

Восстание особенно широко распространилось в середине июля в Андижанском, Скобелевском и Наманганском уездах, Ферганской области. Здесь с 8 по 18 июля произошло 39 открытых выступлений. Восставшие громили управления, уничтожали списки призываемых, зачастую убивали волостных управителей, полицейских и других представителей власти.

9 июля в кишлаке Газы-Яглык, Кокандского уезда, толпа восставших убила волостного управителя, его писаря и джигита. Для подавления восстания были вызваны полиция и воинский наряд в 25 человек. Произошло столкновение. Один из повстанцев был убит.

В этот же день в старом городе Андижане уездный начальник полковник Бржезицкий «собрал туземное население в мечети «Джами», где объяснил собравшимся... смысл последовавшего высочайшего повеления... Толпа загудела, главным образом, выделялись студенты местных медресе, которые кричали, что итти на службу не желают. Многие почетные лица пытались успокоить народ, но им не дали говорить, полковника Бржезицкого тоже не слушали и последний... направился к начальнику гарнизона с просьбой выслать патрули»*. Из мечети восставшие устремились в новый город. При встрече с полицией и казаками восставшие стали забрасывать их кам-

* ЦИА УзССР, ф. 11 с., КТГГ, д. 1132, л. 144.

нями, палками, пустили в ход кетмени. Войска открыли огонь. Среди восставших оказалось трое убитых и несколько человек раненых.

На массовый и упорный характер Андижанского восстания указывает также количество лиц, привлеченных к суду по делу о восстании 1916 года в Андижане и его уезде. В Туркестанский военный окружной суд поступило из Андижана восемь дел с общим количеством обвиняемых — 119 человек. В числе наиболее видных представителей восстания значились: Мулла Юсуф Рахманбердыев, Мулла Юлдаш Халназаров, Абдулла Касым Мулла Исламов, Мирза Карим Юлдаш Ходжаев, Хашват Мусабаев, Абдурахман Мирза Хусаннов, Абдусатар Хаким Аксакалов, Мухамед Азим Умурзаков и др. *

В ночь на 10 июля в старом городе Маргелане группа узбеков ходила по домам и призывала народ идти на собрание, чтобы высказать свой протест против набора на тыловые работы. Во главе восставших стоял Низам-аддин Карабаев. Утром на городской площади (Урде) собралась огромная масса городского люда.

Представители местной власти пытались зачитать указ царя, но собравшиеся с огромным негодованием единодушно закричали: «Не желаем!» Возбуждение нарастало, кто-то крикнул: «бей!» и народ бросился с палками и камнями на полицейских. Были убиты один аксакал, три мираба и один городской. Затем восставшие разгромили театр, кинематограф, карусель, тир и разошлись по своим домам.

Под влиянием событий в Маргелане происходили серьезные волнения в прилегающих к городу Файзнабадской, Яккатутской и Яз-Яванской волостях. В кишлаке Яз-Яван был сожжен дом волостного управителя и его канцелярия. Только силой оружия прибывшие войска разогнали восставших.

В Наманганском уезде почти все волости и город Наманган были охвачены восстанием. Восставшие требовали прекратить составление списков. Женщины возмущенно кричали: «Лучше умереть дома, чем на войне!»

* ЦВА УзССР, ф. ТВОС, д. 330.

На подавление восстания была вызвана команда солдат с пулеметом. Восставшие обратились к солдатам с призывом переходить на сторону народа. Местные власти, в свою очередь, стремились уговорить собравшихся разойтись по домам. После двух часов безрезультатных уговоров пустили в ход оружие — было убито 12, ранено 38 повстанцев.

В кишлаке Илятин, Наманганского уезда, восставшие избили старшину, у которого отобрали должностной знак, печать, деньги, векселя и разные документы. В кишлаке Алмаз, того же уезда, толпа избила старшину, отобрала списки и сожгла их, а в кишлаке Уйчи восставшие, в количестве до 500 человек, убили пятидесятника «за содействие в составлении списков».

Подобные выступления трудящихся происходили в кишлаках Чиндауль, Ходжа-Абад, Машад-Ташкурган и др.

Серьезные волнения имели место в Кокандском и Скобелевском уездах Ферганской области. 10 июля в кишлаке Гиждуван, Янги-Курганской волости, Кокандского уезда, дехкане потребовали выдать списки призываемых. Только по прибытии уездного начальника с нарядом полиции волнение было прекращено. В кишлаке Туда, Риштанской волости, возбужденное население с шумом и криками уничтожило списки намеченных к набору рабочих. 11 июля в кишлаке Ишан-Гузар, Скобелевского уезда, собралась тысячная толпа. Здесь был убит судья. «По прибытии на место пристава с взводом казаков, толпа начала бросать камни, которые попали в пристава, джигитов и казаков. После этого был открыт огонь. Из толпы было убито три и ранено четыре человека».*

Вооруженное столкновение произошло в кишлаке Шарихон, того же уезда. Здесь собравшиеся дехкане кричали: «Не пойдем!» и угрожали местной администрации. В кишлак прибыл вооруженный отряд казаков. В них посыпались камни, кирпичи, палки, один казак был ушиблен и один ранен ножом. Казаки дали залп, в результате было убито 16 повстанцев и несколько ранено.

* ЦИА УзССР, ф. 11 с., КТГГ, д. 1233, л. 2.

Волнения происходили также во многих волостях Катта-Курганского уезда.

Мы привели лишь наиболее яркие выступления широких трудящихся масс. Они взяты из официальных документов. В лаконической форме, двумя-тремя фразами, документы характеризуют движение в том или ином кишлаке. Но за этими лаконическими фразами скрывается необычайно богатое событиями и фактами движение — борьба народных масс против местных феодалов и царских колонизаторов.

13 июля началось Джизакское восстание. В старом городе были собраны представители местного населения, которым объявили указ о наборе рабочих. Население было обязано в десятидневный срок выполнить наряд. Однако наряд выполнен не был. Тогда уездный начальник Рукин вторично созвал в мечети население старого города и заявил: «Я предупреждаю вас, что если вы окажете сопротивление правительству, то я сделаю так, что ваше имущество и вы сами будете сравнены с землей».

Возбужденное население послало своего представителя Назир-Ходжу Абдусаламова в Ташкент узнать, как проходит там набор рабочих. Он вернулся из Ташкента с вестью, что после восстания 11 июля набор отложен до праздника Уразы (17 июля). Назир-Ходжа на сходах стал подбивать население, чтобы оно отбирало у местной администрации списки призываемых. Все дали обещание «до самой смерти стоять на этом». Утром крайне возбужденные массы народа убили одного районного аксакала. Другой успел скрыться. Старший аксакал Юлдашев также успел бежать в новый город. Его канцелярия была разгромлена. Вооруженная чем попало, масса восставших устремилась в новый город. Навстречу толпе вышли сам Рукин, пристав и переводчики. После неудачных переговоров Рукин и сопровождавшие его лица были перебиты. Прибывший вслед за Рукиным карательный отряд открыл огонь. Было убито 11 повстанцев. Восставшие отступили. Но и карательный отряд отошел к новому городу, ожидая подкреплений.

Подняв на ноги весь город, восставшие бросились на железнодорожную станцию, оборвали провода, подожгли

бак с нефтью, разрушили рабочие казармы и другие пристанционные постройки. Около станции Ломакино, при помощи железнодорожных ремонтных рабочих-узбеков, повстанцы стали разрушать железнодорожные мосты, разбирать путь, рвать телеграфные провода. Станции Обручево, Куропаткино и Ростовцево подверглись такому же разгрому. Около 3000 повстанцев двинулись в направлении Самарканда. Между станциями Урсатьевская и Джизак было сожжено 6 железнодорожных мостов.

В Джизак был направлен карательный отряд. После короткого боя восставшие отступили, потеряв двух человек убитыми.

По окружающим кишлакам повстанцы отправили своих представителей поднимать народ на борьбу с угнетателями. Всюду население спешно вооружалось. В кишлаках был объявлен поход на Джизак, в помощь восставшим. В ряде районов были выбраны беки. Руководитель восстания Назир-Ходжа в мечети Заamina был объявлен зааминским беком.

Волости Джизакского уезда пылали в огне восстания. Повстанцы убивали полицейских, управителей, пятидесятников, уничтожали списки призываемых, громили канцелярии. Движение расширялось.

Исполняющий должность генерал-губернатора края генерал Ерофеев спешно направил в Джизак карательную экспедицию, во главе которой поставил полковника Иванова. 13 рот солдат при 6 орудиях, три сотни казаков и саперы были двинуты в Джизакский уезд. Карательные части полковника Иванова жестоко расправились с населением Заamina, а затем и Богдана, куда из Заamina бежал Назир-Ходжа. Все было предано огню и мечу.

21 июля произошла последняя решительная схватка джизакских повстанцев с царскими войсками. Свыше 4000 восставших собралось в селении Кли. Они были вооружены огнестрельным и холодным оружием. Во главе восставших стояли Назир-Ходжа и проживавший в Богданской волости сын бывшего чардарьинского бека джевачи Абдужабаров. Они объявили священную войну

против царских колонизаторов под лозунгом: «Долой белого царя!» Между повстанцами и царскими войсками произошла кровопролитная схватка. Но силы были неравны, повстанцы потерпели поражение и были рассеяны.

По джизакскому делу было отдано под суд 76 человек, из них приговорено к повешению 32 человека. Туркестанский генерал-губернатор распорядился: отобрать 800 дес. земли у населения г. Джизака, 400 дес. у населения Заамина, 200 дес. у населения Качерма, 400 дес. у населения Наукент-базара и 10 дес. у кишлака Янги. Всего по Джизакскому уезду было отобрано 1810 десятин земли.

Джизакское восстание по своей массовости и организованности было кульминационным пунктом национально-освободительного движения 1916 года.

«Беспорядки в Джизакском уезде, — писал впоследствии генерал-губернатор Куропаткин в рапорте на имя царя, — приняли форму открытого восстания».

Наш обзор восстания 1916 года в Узбекистане показывает, что движением народных масс были охвачены почти полностью три узбекских области бывшего Туркестана. Мало было кишлаков, волостей и уездов, в которых, в той или иной форме, не проявлялась бы народная борьба против угнетателей. Восстание было повсеместным. Об этом единодушно свидетельствуют источники. Там, где дело не доходило до открытых столкновений с войсками и полицией, происходили «демонстративные скопища». При этом следует отметить наступательный характер борьбы повстанцев. Царским войскам очень часто приходилось переходить к обороне. Несмотря на слабое вооружение, повстанцы решительно вступали в сражения, брали натиском, опрокидывали заслоны карательных отрядов и полицейские кордоны.

После подавления восстания в Джизакском уезде национально-освободительное движение на территории Узбекистана пошло на убыль.

На подавление восстания царское правительство послало 14 батальонов пехоты и несколько сотен казаков.

вооруженных артиллерией и пулеметами. Военными действиями царских войск был охвачен весь край. При подавлении восстания потери царских войск составляли: убитыми 97, ранеными 86 и пропавшими без вести 76 человек.

По делу о восстании было привлечено к суду и следствию свыше 3000 человек. На допросах обвиняемых пытали, жестоко избивали, добивались «признания» несуществующей вины. Буржуазная адвокатура устраивала бесстыдный торг, беря с осужденных огромные взятки. К смертной казни были приговорены все наиболее видные руководители восстания, в том числе Рахман Джейнам Абдурасулев, Садыков, Назир-Ходжа Абдусалямов и др. Остальные руководители и активные участники восстания получили разные сроки каторжных работ и тюремного заключения.

Восстание 1916 г. было жестоко подавлено.

Широкие массы повстанцев-дехкан были еще недостаточно организованы и сознательны, не было революционного руководства со стороны рабочего класса, еще молодого и распыленного, благодаря чему к руководству движением могли пробраться феодальные элементы.

Но трудящиеся массы узбекского народа поняли, что только с помощью русского рабочего класса их борьба против царского самодержавия и местных эксплуататоров может окончиться полной победой. Недостаточная связь с русским пролетариатом, отсутствие руководства действительно революционной партией — партией большевиков — явилось основной причиной поражения восстания 1916 года.

V.

Тяжелый тернистый путь борьбы прошел узбекский народ, прежде чем вошел равным среди равных в великую братскую семью народов СССР. Героическая борьба повстанцев-узбеков в 1916 году — очень важный этап на пути политического пробуждения узбекского народа. Повстанцы 1916 года, очевидно, меньше всего думали о том, к чему может привести их борьба, какими резуль-

татами она окончится, каким уроком послужит в дальнейшем.

Теперь, тридцать лет спустя, мы видим особенно ярко, какое значительное место в истории борьбы узбекского народа со своими угнетателями занимает восстание 1916 года.

Всенародное восстание 1916 года в Узбекистане было массовым национально-освободительным движением эпохи империализма, оно явилось для узбекского народа школой политической борьбы, уроки которой незамедлительно сказались в первые дни Февральской, а затем Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане.

Известие о свержении царя всколыхнуло национальные окраины России. При непосредственном участии и руководстве русского пролетариата узбеки дружно поднялись на борьбу за свержение царской власти в Узбекистане в лице генерал-губернатора Туркестанского края.

Узбекский народ поддержал петроградский пролетариат. Трудящиеся массы по опыту революции 1905 года и национально-освободительного восстания 1916 года знали как надо бороться с царизмом и его властью на местах. Далекое не случайно, что отрешение от власти Туркестанского генерал-губернатора в 1917 году произошло, наряду с другими причинами, и по требованию представителей узбекского населения.

Не случайно также, что в дни Февральской революции Временное правительство вынуждено было посылать карательные отряды в первую очередь в район Ходжента, где началось восстание 1916 года. Участники восстания 1916 г., вместе с вернувшимися на родину тыловыми рабочими, стали впоследствии той активной силой, опираясь на которую наша большевистская партия в 1917 году и в последующие годы укрепляла советскую власть в Туркестане. В этом историческое значение событий 1916 г.

Узбекский народ дорожит славными традициями национально-освободительной борьбы. Он помнит о героических повстанцах 1916 года в Узбекистане, выступивших

на борьбу с царской колонизаторской властью и местными эксплуататорами в канун свержения власти царизма и буржуазии. Повстанцы 1916 года приумножили славные традиции героического прошлого узбекского народа.

30-дневная вооруженная борьба повстанцев 1916 года с царскими войсками составляет одну из светлых страниц истории узбекского народа.

П. МИРОНОВ

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ТАШКЕНТЕ

В июле 1946 года исполнилось тридцать лет героическому выступлению узбекского народа против господства российского империализма и местных эксплуататоров. В 1916 году, в ответ на попытку царских властей призвать народы Средней Азии на тыловые военные работы, узбекский народ первым среди всех поработенных народов Средней Азии поднял знамя восстания.

В этом восстании узбекского народа особое место занимает выступление городской бедноты и рабочих 11 июля в старом городе Ташкенте. Оно оказало решающее влияние на углубление и дальнейшее развитие национально-освободительного движения в Узбекистане.

Непосредственным поводом к восстанию 1916 года послужило опубликование царского указа от 25 июня за № 1526 «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны, работ».

Но основные причины восстания 1916 года коренились в тех социально-экономических условиях и в той национально-колониальной политике, которую проводил царизм в Узбекистане.

Во второй половине XIX века царское самодержавие превратило Узбекистан в свою колонию. Следом за царским генералом сюда устремились русский купец, банкир и фабрикант, которые в союзе со сворой местных эксплуататоров, баями и феодалами высасывали все соки из народа. Народное хозяйство Узбекистана было превращено в аграрно-сырьевой придаток метрополии. «Царизм, — говорит товарищ Сталин, — намеренно

культивировал на окраинах патриархально-феодалный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве». *

Царская Россия была названа Лениным «тюрьмою народов». При царской власти трудящиеся массы нерусских национальностей, в том числе и узбеки, находились в невыносимых условиях; экономическая эксплуатация усугублялась жесточайшим национальным угнетением.

Двойной пресс угнетения не мог не вызвать протеста и отпора со стороны народа. Свободолюбивый узбекский народ много раз вступал в борьбу со своими поработителями.

Первая мировая война резко ухудшила положение широких трудящихся масс Узбекистана. Народное хозяйство Узбекистана, и без того отсталое, за годы войны подверглось разрушению. Мелкое крестьянское хозяйство с его примитивной техникой пришло в упадок. Разруха отразилась и на промышленности. Промышленность и транспорт переживали острый недостаток топлива и сырья. Кроме военного налога, трудящиеся массы Узбекистана облагались еще всевозможными дополнительными поборами на «нужды войны».

В связи с войной резко ухудшилось положение трудового населения в Ташкенте; из-за расстройств транспорта резко ухудшилось снабжение города товарами и продовольствием. В то же время обесценились деньги, бешено росли цены на товары широкого потребления, процветала спекуляция продуктами питания. У продовольственных магазинов образовывались огромные очереди.

Призыв на тыловые работы в Ташкенте проходил в напряженной обстановке. Официально население узнало о нем из выступления исполняющего обязанности начальника города полицмейстера Кочана на собрании пятидесятников, происходившем в Шейхантаурской мечети 7 июля 1916 года. Здесь, на совещании, полицмейстер Кочан сообщил собравшимся, что Ташкент должен

* И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», 1939 г., стр. 81.

дать 7 тысяч человек и приказал немедленно приступить к составлению списков и выполнению разверстки по нарядам.

Сообщение Кочана взволновало народ. Раздражение еще больше усилилось, когда через несколько дней широкие народные массы узнали, что Ташкент должен дать по нарядам не 7 тысяч, а 12 тысяч человек. Это означало, что каждая вторая семья должна была дать одного человека на тыловые военные работы.

В народных массах развернулась широкая агитация против мобилизации. Рабочие и беднота старого города Ташкента, а также трудящиеся дехкане пригородных районов на своих сходках и махаллинских собраниях выносили твердые решения — рабочих не давать.

Царские власти были крайне обеспокоены. Они и мысли не допускали, чтобы в Ташкенте, в этом политическом и административном центре края, могли произойти какие-либо осложнения с набором рабочих.

Вскоре выяснилось, что пятидесятники не смогут провести набор рабочих. Поэтому администрация наметила ряд экстренных мер. На 11 июля в полицейском управлении старого города было вновь назначено собрание пятидесятников, на котором предполагалось специальное выступление военного губернатора Сыр-Дарьинской области генерала Галкина.

Возмущение народа неудержимо росло. Движение ширилось. Трудящиеся массы старого города собирались группами, обсуждая свое положение. Было решено устроить демонстрацию и потребовать от властей отмены набора рабочих.

Рано утром 11 июля народ вышел на улицу, собралась многотысячная толпа рабочих, кустарей, ремесленников, дехкан пригородных районов и городской бедноты около полицейского управления старого города Ташкента, где должен был выступить военный губернатор генерал Галкин.

Под напором этой огромной массы народа рухнула ограда, и толпа, ворвавшись во двор, с криками «Лучше умрем здесь, но рабочих не дадим!», осадила полицейское управление. Городовые, пытавшиеся задержать и

рассеять громившие полицейское управление массы, были избиты, а у некоторых полицейских повстанцы отобрали оружие.

В это время на крыльце появились полицмейстеры Мочалов и Харчев, секретарь Трентовиус и несколько полицейских. Попытки Мочалова запугать народ угрозами и заставить его разойтись вызвали еще большее возмущение среди присутствующих. Пробившись из толпы вперед, отважная женщина-узбечка Ризбон-биби Ахмеджанова сорвала с себя паранджу и крикнула по адресу пристава: «Не отдам сына, лучше убей меня!». Героический поступок Ахмеджановой привел в бешенство полицмейстера Мочалова — «Если хочешь, получай!» — крикнул он и в упор выстрелил в Ахмеджанову.

Зверское убийство Ахмеджановой вызвало у повстанцев еще большую ненависть и озлобление. В городских и в окна полетели камни и палки. Зазвенели стекла, затрещали рамы окон и дверей. С крыльца полицейского управления восставшие стащили титулярного советника Трентовиуса и еще одного сотрудника и начали их избивать. Сотрудник полицейского управления, пытавшийся дезорганизовать ряды повстанцев, был убит. У Трентовиуса отобрали шашку и рассекли ему голову. И только, когда был дан залп по толпе, городовым удалось отбить его и спрятать в здании полицейского управления.

Осада полицейского управления продолжалась уже больше часа. Около 10 часов утра на помощь осажденным прибыл конный казачий разъезд во главе с подполковником Колесниковым. Путем уговоров Колесников хотел внести в ряды восставших разлад и заставить их разойтись. Но повстанцы не расходились. Их ряды непрерывно пополнялись. Тогда городовые вместе с конными казаками, пытаясь рассеять повстанцев, оттеснить их от здания и выручить захваченных в плен городовых, перешли в наступление и дали несколько залпов.

Однако и это не сломило сопротивления восставших, они еще больше усилили свой натиск. Несколько отважных смельчаков схватили подполковника Колесникова и

затащили его в толпу восставших. Только вследствие некоторого замешательства, вызванного оружейным залпом, городовым удалось улучшить момент и спасти Колесникова от расправы повстанцев. Но толпа быстро оправилась от замешательства и с еще большей яростью продолжала борьбу. Градом летели в городских и в окна полицейского управления камни. Новым натиском повстанцы отсекали конный казачий разъезд, а вооруженных городских во главе с подполковником Колесниковым и полицмейстером Мочаловым заставляли отступить и укрыться в помещении полицейского управления и там забаррикадироваться.

Это было настоящее сражение и вместе с тем крупная победа повстанцев. В здании полицейского управления были уже выбиты все стекла и рамы окон, разбиты булыжником двери. Многие городовые были избиты до потери сознания, а у некоторых из них повстанцы отобрали холодное и огнестрельное оружие. Большой вооруженный отряд городских вместе с конным казачьим разъездом, под командованием подполковника Колесникова, не смог рассеять восставших. Более того, забаррикадировавшись в здании полицейского управления, отряд оказался не в силах даже выдержать осаду повстанцев и был вынужден запросить экстренную помощь.

Едва подполковник Колесников успел сообщить по телефону начальнику города Кочану о своем тяжелом положении и потребовать немедленной помощи, как телефонные провода были порваны повстанцами и связь с новым городом прекратилась.

Против упорно сопротивлявшихся повстанцев городскими властями были приняты крайние меры. Вскоре на помощь осажденным прибыл новый отряд под командованием подполковника Савицкого в составе роты юнкеров и конвойной команды. Прибывшие свежие вооруженные силы оцепили весь прилегающий к полицейскому управлению район и обрушились на восставших. Произошло жесточайшее «усмирение», по толпе народа было дано несколько залпов.

Чувствуя огромное превосходство вооруженных сил царских войск, почти безоружная многотысячная масса

повстанцев прекратила сопротивление и начала отступать, постепенно разбегаясь по своим махаллям и квартирам.

Многие из участников были избиты и искалечены; 11 человек были убиты и умерли от ран, 15 человек тяжело ранены. Среди раненых были и женщины, в их числе оказалась одна из наиболее активных участниц восстания домашняя работница Зухри-биби.

Царские войска и полицейские потеряли одного убитым и 7 человек были тяжело ранены.

Восстание было подавлено. 34 человека из участников июльского восстания в Ташкенте были преданы военно-полевому суду. Суд присудил набойщика Исамухамедова и сапожника Абдукаюмова к повешению, 9 человек — к 20 годам каторжных работ каждого (среди них были рабочие Камалов, Зайнутдинов, Юнус Ходжаев и другие), 6 человек — к разным срокам тюремного заключения.

Царизм учинил жестокую расправу над повстанцами. Трудящимся массам Ташкента пришлось расплачиваться потоками крови и слез. Но эта расправа с ташкентцами не испугала узбекский народ.

Восстание 11 июля в Ташкенте — в политическом и административном центре края — занимает важнейшее место в ходе всего национально-освободительного движения в Узбекистане в 1916 году. Оно оказало решающее влияние на дальнейшее развертывание движения народных масс по всему Узбекистану и на перерастание его в вооруженное восстание.

К упорной и смелой борьбе ташкентцев чутко прислушивались трудящиеся массы всех областей и районов Узбекистана. Посланцы Джизака, Самарканда, специально присланные в Ташкент для установления связи с организаторами восстания, следили за ходом развивающихся событий.

Восстание 11 июля в Ташкенте было принято повсюду, как сигнал ко всеобщему восстанию. Вслед за ташкентцами восстали трудящиеся массы Ташкентского уезда, Джизака и Джизакского уезда, Катта-Курганского уезда и почти всей Ферганской области.

И. МАВЛЯНИ

ДЖИЗАКСКОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА

30 лет тому назад на территории дореволюционного Узбекистана вспыхнуло национально-освободительное восстание трудящихся против царского самодержавия и местных эксплуататорских классов. Восстанием были охвачены Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская области.

Кульминационным пунктом национально-освободительного движения узбекского народа в 1916 г. было восстание в Джизаке и Джизакском уезде. Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин назвал Джизакское восстание — открытым вооруженным восстанием.

Трудящиеся дореволюционного Узбекистана подвергались тяжелому колониальному угнетению со стороны царского самодержавия и эксплуатации местной администрации, феодалов и буржуазии. В Джизакском уезде были некоторые своеобразные черты, обусловившие большой размах национально-освободительного восстания.

Джизакский уезд, в отличие от других районов Узбекистана, по своей экономической структуре был зерновым. В предгорных и степных волостях Джизакского уезда распространялся богарный посев. Площадь под зерновыми культурами доходила до 91%. Важнейшее значение имели также животноводство, садоводство и особенно виноградарство.

Колонизаторы захватывали у местного населения земли. Захват земель у местного населения приводил к сокращению пастбищ. Наряду с этим, шел нажим на население по линии лесопользования. Местное население

ние не допускалось в лес даже за хворостом. Режим пользования горными лесами для пастбищ год от года становился все более суровым. К сокращению пастбищ привело также орошение новых земель для русских переселенцев в Голодной Степи. Источником огромных колониальных доходов являлась система водопользования. Вода служила сильнейшим орудием эксплуатации и порабощения трудовых масс в Туркестане. В Джизакском уезде условия водопользования были еще более тяжелыми, вода захватывалась колонизаторами и феодально-байскими элементами. Граф К. К. Пален, проводивший в 1908 году ревизию края, отметил: «По утверждению туземцев-старожилов, во времена ханского владычества было больше, чем ныне, порядка в деле ирригации. В то время за исполнением обычая, удовлетворявшего к тому же условиям натурального хозяйства, строго следили как высшая, так и низшая власть».*

Особенно частыми были злоупотребления по линии взимания многочисленных налогов и разных поборов, широко были распространены взятки. В книге Палена «Орошение в Туркестане» приводится следующий факт: «Как велико иногда несоответствие между количеством земель, обоброченных поземельно-податными комиссиями и площадью, действительно способною нести обложение, т. е. достаточно обеспеченною водою, — можно видеть из следующих примеров. Река Санзар, в Джизакском уезде, несет всего 50 секундо-футов и, следовательно, при модуле в 30 дес., может оросить всего 1 500 дес., между тем в ее бассейне обоброчено до 5 000 десятин. Эти земли, в числе коих есть, правда, богарные районы и перелог, совершенно не обеспечены водою, тем не менее оне обложены податями, как правильно орошаемая. Заамин-сай несет 84 секундо-фута и этим количеством орошается в Зааминской волости 10 252 дес., а в Ямской 22 963 дес., таким образом, вместо нормального количества 2520 дес., указанным количеством воды должно орошаться 33 215 дес. Столь тяжелое положение насе-

* К. К. Пален. «Орошение в Туркестане», 1910 г., стр. 26.

ления, вынужденного платить государственный поземельный налог за земли, необеспеченная водою»,* разорвало дехканское хозяйство.

Все это привело к тому, что трудящиеся в Джизакском уезде жили как нищие. Это видно даже из рапорта джизакского уездного начальника к начальнику поземельно-податного отделения при Самаркандском правлении: «Тяжелое экономическое состояние населения иногда достигает до таких размеров, что население в некоторых волостях остается к весне совершенно без хлеба и живет милостыней, причем бедные жители питаются кореньями диких растений (волости Синтябская, Богданская, Новрутская и Чимбайская), зачастую в селениях нельзя достать не только хлеба, но и даже ячменя...»**

В годы войны из Джизакского уезда вывозилось большое количество хлеба для снабжения населения Средней Азии, на нужды фронта производились частые реквизиции скота — все это резко ухудшало и без того тяжелое положение трудящихся масс.

Джизакский уезд был обязан дать на тыловые работы значительно больше людей, чем другие хлопковые районы и даже другие уезды Самаркандской области. По первоначальной разверстке Самаркандская область должна была дать 35 тыс. рабочих, затем на совещании у туркестанского генерал-губернатора от 2 июля 1916 г. это число было увеличено до 38 тыс. человек. Это означало, что по Самаркандской области призыву подлежало не менее одного рабочего на каждые два хозяйства, в то время как по Ферганской области — один рабочий на каждые пять хозяйств. Но и в самой Самаркандской области набор рабочих в хлопковых районах был меньше, чем в зерновых. Джизакский уезд, как зерновой, должен был послать на тыловые работы около 10 600 человек.

Развивавшиеся товарно-денежные отношения, при преобладании в уезде феодально-патриархального хо-

* К. К. Палеи. «Орошение в Туркестане», 1910 г., стр. 39—40.

** ЦИА УзССР, ф. «Самаркандское обл. правл.», д. 1916, л. 19.

зьяства, тяжелым прессом давили на трудящиеся массы. В то же время классовая дифференциация дехканства создавала условия для развития местного рабочего класса, принявшего активное участие в народном движении.

Этими отличительными особенностями определяется тот факт, что национально-освободительное восстание охватило весь Джизакский уезд, было более массовым и продолжительным, чем в других районах и областях. Именно поэтому Джизакское восстание, как мы говорили выше, явилось кульминационным пунктом национально-освободительного движения трудящихся Узбекистана в 1916 году.

2 июля, на совещании представителей местного населения, в старом городе Джизаке был объявлен указ царя от 25 июня 1916 г. за № 1526 «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Было избрано 19 уполномоченных, которые обязаны были в течение 10-дневного срока обеспечить проведение набора рабочих на так называемые тыловые работы согласно этому указу. Уездный начальник Рукин угрожал собравшимся: «Я предупреждаю вас, что если вы окажете сопротивление правительству, то я сделаю так, что ваше имущество и вы сами будете сравнены с землей».* Уездный начальник распорядился составить списки призываемых.

3 июля был объявлен указ о наборе в Богданской и Зааминской волостях. 5 июля в базарный день на станции Куропаткино произошло столкновение местного населения с царскими солдатами. Недовольство населения начало проявляться в форме требований отмены набора, протестов против составления списков и т. д.

Возмущенное население г. Джизака решило послать своего представителя в Ташкент и узнать, как там

* Газета «Зеравшан», 1924 г., № 170.

проходит набор рабочих. 9 июля в Ташкент был послан Назир-Ходжа Абдусаламов. Это был человек с большим жизненным опытом, ему шел 41 год. Абдусаламов работал комиссионером у джизакских торговцев Рахманкульбая и Мавлянкульбая, имел свой небольшой дом и четыре танапа земли. В тот же день из Богдана выехал в Ташкент представитель Худояркул-Ходжа, а в Самарканд — Дарванбай Мирзабаев и Ибрагим. Местное население знало о поездке Назир-Ходжи в Ташкент и его ожидали с большим нетерпением. 12 июля наступил срок явки призываемых. На 5 часов дня был назначен сбор в старом городе Джизаке. Приехали пристав и врачи производить призыв. В то же время к 6 часам дня вернулся из Ташкента Назир-Ходжа и был торжественно встречен народом. Он рассказал, что в Ташкенте, в связи с набором рабочих на тыловые работы, произошло восстание, и набор был отложен до окончания мусульманского поста «ураза» (17 июля).

Вечером в связи с известием из Ташкента, во всем старом городе Джизаке происходили собрания, на которых было решено отобрать и уничтожить списки призываемых. Собравшиеся дали клятву бороться до конца. Ночью молодежь не спала, ходила по домам и доводила до сведения всех трудящихся г. Джизака о предстоящей борьбе против призыва на тыловые работы.

13 июля утром в 7 часов беднота города Джизака восстала. К ней присоединились пригородные дехкане. Восставшие потребовали от районного аксакала Мирзояра Худоярова выдать им списки призываемых, но он отказался это сделать. Тогда повстанцы разгромили канцелярию и убили Худоярова. Затем повстанцы двинулись к старшему аксакалу мулле Юлдашеву. Он, услышав о приближении повстанцев, бежал в новый город Джизак к начальнику уезда полковнику Рукину. Восставшие, не найдя старшего аксакала Юлдашева, разгромили его канцелярию. Назир-Ходжа здесь же был объявлен беком. Ряды повстанцев все увеличивались, был захвачен весь старый город. Повстанцы двинулись по направлению к новому городу. Навстречу им выехали уездный начальник Рукни, старший аксакал Юлдашев,

пристав, переводчик и вооруженные джигиты. Встреча произошла на половине дороги между старым и новым городом в местности Тошлак. Полковник Рукин стал уговаривать восставших, но народ ответил: «Не дадим рабочих». Джигиты взяли за винтовки, народ кинулся на них, чтобы обезоружить. Рукин, поддерживая джигитов, пригрозил оружием. Восставшие бросились на Рукина, и вся группа была быстро разоружена и перебита.

Вскоре из нового города Джизака к месту схватки прибыл карательный отряд подполковника Афанасьева и открыл огонь по восставшим. Было убито 11 повстанцев. Восставшие отступили, а карательный отряд отошел к новому городу.

Поднялся на ноги весь старый город. Вооружившись трофейными винтовками, берданками, охотничьими ружьями, револьверами, шашками, а большинство палками, кетменями, серпами и ножами, повстанцы бросились на железнодорожную станцию.

Повстанцы оборвали телеграфные провода, затем подожгли баки с нефтью и разрушили здание станции, рабочие казармы и другие постройки. Другая часть восставших под руководством железнодорожных ремонтных рабочих-узбеков разрушила ст. Ломакино, сожгла железнодорожный мост, разобрала путь, порвала телеграфные провода. Подобному разгрому подверглись станции Обручево, Куропаткино и Ростовцево. Между станциями Урсатьевская и Джизак на расстоянии 65 км был разрушен железнодорожный путь.

Восстание распространилось по всему Джизакскому уезду.

13 июля в Джизак прибыл казий Туракул Турадбеков с братом Ишанкулом. В тот же день, вернувшись в Санзар, Турадбеков выступил на собрании населения, где и объявил о происходящих событиях в Джизаке. Народ решил присоединиться к восставшим, Туракул Турадбеков объявил себя беком Санзарского участка. Утром 14 июля восставшие убили в Нушкент-базаре четырнадцать статистиков. Санзарский волостной управитель успел бежать. Были также убиты стражник Бегуч в селе Калтай, объездчик Осаков с семьей в селе Кок-

джар, в Терекли — заведующий Зааминским лесничеством, Запорин и объездчики Андриюшенко, Петряев и Койнов; караулка была разгромлена и сожжена.

13 июля произошло столкновение восставших с войсками в Зааминской волости, причем были убиты пристав, два казака, мальчик-кадет и др.

13 июля вечером в Богдане у Абдурахмана джевачи состоялось совещание «влиятельных людей» волости о восстании в Джизаке, было решено объявить священную войну против неверных (газават).

Таким образом представители местной феодальной верхушки, в страхе за свою собственность, пытались возглавить восстание и направить гнев народа по безопасному для них руслу.

Помещик Абдурахман Абдужабаров, сын чардарьинского бека, не прочь был, в случае победы восстания, вернуть себе старые феодальные привилегии, ущемленные русскими завоевателями. Но он не мог возглавить и довести до конца восстание, направленное не только против царских колонизаторов, но также против туземной администрации и феодалов.

Предательская роль Абдурахмана джевачи сказалась уже с первых дней восстания; вместе с другими «влиятельными» лицами, он защищал местного участкового пристава Борилло, укрывал его в своем доме и содействовал побегу последнего в ночь на 15 июля.

15 июля повстанцы Богдана разгромили канцелярию и квартиру участкового пристава Борилло, забрали его винтовку.

Восстание начало распространяться и на другие волости. На места разъехалось до 150 всадников поднимать народ на борьбу с угнетателями. Население спешно вооружалось, кое-где у восставших появились ринтовки. В близлежащих кишлаках был объявлен поход на Джизак.

Повстанцы продолжали убивать полицейских, волостных управителей, пятидесятников, уничтожать списки призываемых, сжигать канцелярии. Движение росло, становилось всеобщим. В тот же день прибыл карательный отряд из Ташкента, во главе которого стоял испы-

таный палач и душитель народных масс вице-губернатор Семиреченской области полковник Иванов. Ему предписывалось проявить «железную твердость, решительность и беспощадность». В Джизакский уезд было брошено 13 рот солдат при 6 орудиях, кроме того, 3 сотни казаков, саперы и бронепоезд.

Карательные войска полковника Иванова сначала расправились с населением Заamina и Джизака, а затем с населением Богдана, куда бежал Назир-Ходжа. На пути своего движения каратели все предавали огню и мечу. Население бросало свое имущество и бежало в горы.

Повстанцы готовились к решительной схватке с карательным отрядом Иванова. Велась усиленная подготовка, в доме Абдурахмана продолжали происходить собрания видных руководителей восстания. Местом сражения был назначен кишлак Кли. Сюда начали стягиваться отряды повстанцев, собралось до 4000 повстанцев и их руководители Абдурахман Абдужабаров, Джейнак Абдурасулев, Каландар-Ходжа Мухамед Амин Ходжаев, Назир-Ходжа Абдусаламов и др. «Первые трое, — говорится в обвинительном акте, — пришли со знаменами из белой материи с надписью, по туземному значению: «Нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его». Народ выставил свой лозунг: «Долой белого царя и всех подобных ему баев!»

Решительное сражение произошло 21 июля 1916 г. в кишлаке Кли. К месту сражения первым прибыл карательный отряд подполковника Афанасьева. Восставшие окружили отряд и заставили его отступить, затем в бой вступил новый крупный карательный отряд полковника Иванова. Нам неизвестны подробности сражения. Источники лаконически отмечают, что карателям удалось рассеять повстанческие отряды.

После событий в кишлаке Кли, восстание явно пошло на убыль. Повстанческие отряды рассеивались по кишлакам, часть их уходила в горы, многие стремились через горный перевал уйти в Бухару и Афганистан. К 25 июля восстание было разгромлено.

Царизм исключительно жестоко расправился с повстанцами. По зааминскому делу обвинялось 152 челове-

ка, из них приговорено к смертной казни через повешение 48 человек, к бессрочной каторге — 2 и к каторжным работам на 12 лет — 48 челсвек. По Джизакскому уезду было арестовано около 3 тыс. человек, из них приговорено к повешению 84 человека. У дехкан было отобрано до 2 000 десятина земли, г. Джизак и многие кишлаки в Санзарском участке, в Богданской и Зааминской волостях были сожжены.

Восстание в Джизакском уезде, начавшееся 13 июля и продолжавшееся до 25 июля, явилось высшим этапом борьбы, до которого смог подняться узбекский народ в 1916 г.

Основной движущей силой национально-освободительного восстания 1916 г. в Джизаке были середняцко-бедняцкие слои дехканства и городская беднота. Активное участие в восстании принимали сельскохозяйственные рабочие-батраки, рабочие-узбеки железнодорожных ремонтных мастерских и кирпичного завода. В восстании также принимала участие и передовая часть узбекской интеллигенции.

В ходе восстания выделялись наиболее активные, смелые и решительные бойцы. В Санзарской волости (кишлак Бахмал) выделился середняк Шайзак Садыков. Он сумел объединить население окружающих кишлаков и повести его в Заамин против карательных войск царизма. В Яны-Курганской волости выделялся своей активностью дехканин Мавлян Аймазов, во главе повстанцев кишлака Қалтай был бедняк Умар Ачилов.

В развернувшейся борьбе представители феодальной верхушки и духовенства не играли решающей роли. Вынужденные обстоятельствами стать временно на сторону восставших, они стремились прежде всего занять в рядах движения видное место и повернуть движение на путь борьбы с «неверными», под лозунгом создания единого мусульманского государства. Могучий поток народного движения с самого начала восстания на смерть перепугал представителей господствующих классов, лишил их активности. Абдурахман джевачи, как уже было сказано, даже в самый разгар Джизакского восстания, вел двойственную политику. 14 июля, с иша-

ном Богдана, прятал в своем доме пристава Борилло, а в самый напряженный момент борьбы сдался на милость победителей. Не менее гнусно и унижительно было его раскаяние на суде и клятвы в верности царскому дому.

Против восставшего народа на стороне царизма выступили и джаиды. Они боялись массового революционного движения больше, чем реакции. Джаиды призывали народные массы к проведению набора рабочих, руководили комитетами по набору, усиленно вели устную и печатную агитацию и пропаганду в пользу вербовки рабочих на тыловые военные работы.

«Участие в национально-освободительном восстании широких трудящихся масс дехканства, городской бедноты, пролетарских и полупролетарских элементов придало восстанию глубоко народный характер. Впервые в истории борьбы узбекского народа восстание приняло такой широкий размах. Своей вершины национально-освободительное движение достигло в Джизакском восстании.

Однако, в силу исторически сложившихся условий, восстание не увенчалось успехом».*

Ленин указывал, что национально-освободительные войны против империалистических держав неизбежны, подчеркивал прогрессивный и революционный характер их, но писал он «...для успеха их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов в взятом нами примере Индии и Китая), либо *особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения (напр., парализованность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата)».**

Этих условий, и особенно последнего, главного и ос-

* Тезисы Института истории компартии при ЦК КП(б)Уз, филиал ИМЭЛ.

** Ленин, Соч., т. XIX, стр. 184.

нового для победы восстания 1916 года в Узбекистане, в то время не было.

Восстание носило стихийный и разрозненный характер. Царское правительство подавило восстание и учинило над его участниками жестокую расправу. Но узбекский народ извлек из восстания большие уроки. Восстание явилось школой революционного воспитания масс. Трудящиеся стали яснее видеть и понимать своих друзей и врагов, как сказано в тезисах Института истории компартии Узбекистана: «Широкие трудящиеся дехканские массы, пролетарские и полупролетарские элементы на опыте восстания убеждались, что сбросить навсегда цепи двойного гнета они смогут только под руководством большевистской партии, при помощи и в союзе с великим русским народом».*

* Тезисы Института истории компартии при ЦК КП(б)Уз, филиал ИМЭЛ.

П. МИРОНОВ

ДЖИЗАКСКОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА

В 1916 году вся Средняя Азия, в том числе территория современного Узбекистана, была охвачена мощным национально-освободительным движением.

В восстании участвовало местное население Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей. Борьба народа в Самаркандской области началась 5 июля в кишлаке Ургут и вылилась в мощное открытое восстание широких народных масс г. Джизака и Джизакского уезда 13 июля. Вооруженное восстание джизакцев явилось наивысшим пунктом национально-освободительного движения широчайших масс узбекского народа в 1916 году.

Наряду с общими условиями, вызвавшими восстание в Узбекистане, для Джизака имеются некоторые особые причины, обусловившие такой большой размах национально-освободительного движения и быстрое перерастание его в открытое вооруженное восстание.

Джизакский уезд по своей экономической структуре являлся преимущественно зерновым районом. Площадь под зерновыми культурами составляла свыше 90 процентов. Важное место в экономике уезда занимало животноводство и садоводство.

Складывавшиеся товарно-денежные отношения в условиях преобладавшей полунатуральной формы хозяйства сильнее, чем в других более развитых районах, давили на массы трудящихся дежкан. Царские власти из

года в год все больше ограничивали права дехкан и скотоводов на пользование пастбищами, лесными угодьями и, особенно, водой для орошения полей.

Годы первой мировой войны легли тяжелым бременем на плечи трудящихся масс г. Джизака и Джизакского уезда. За время войны царскими властями вывозилось из Джизакского уезда много хлеба для снабжения населения Средней Азии, на нужды войны проводились реквизиции скота.

Джизакский уезд и при разверстке набора рабочих на тыловые военные работы оказался в самом невыгодном положении по сравнению с хлопковыми районами. Для Джизакского уезда был дан самый высокий процент «реквизируемого» населения. Из 38 тысяч призываемых по нарядам Самаркандской области на Джизакский уезд падало почти 11 тысяч.

Восстание в Джизаке и Джизакском уезде началось 13 июля 1916 года. К этому времени уже заканчивалось составление списков призываемых, и царские власти намеревались приступить к набору.

Недовольство, вызванное известием о царском указе, особенно возросло, когда власти приступили к составлению посемейных списков подлежащих призыву. Население Джизакского уезда горячо обсуждало царский указ о наборе и открыто высказывалось против его выполнения. Уездный начальник полковник Рукин 11 июля собрал население в мечети и объявил, что всякое сопротивление набору будет беспощадно подавлено.

Вскоре городская беднота и трудящиеся дехкане узнали, что местная администрация совместно с баями составляет списки лишь на бедняков, а баев и их сынов в списки не вносит. Это вызвало новый взрыв негодования. В то время возвратился из Ташкента Назир-Ходжа, который был специально послан туда, чтобы выяснить, как проходит набор рабочих в других городах. Он собрал народ и объявил, что в результате восстания в Ташкенте набор рабочих приостановлен. Сообщение с молниеносной быстротой распространилось по городу и всему Джизакскому уезду. Назир-Ходжа прислушивался и учитывал настроения широких масс, он высту-

...сил с поддержкой требования народа отобрать у местной администрации списки призываемых.

Вечером 12 июля на многолюдных собраниях жителей старого города Джизака было решено рабочих не давать, а списки уничтожить.

На следующий день, 13 июля, в 7 часов утра несколько тысяч восставших из городской бедноты, пригородных дехкан и железнодорожных рабочих разгромили канцелярию старшины, уничтожили списки призываемых и убили самого старшину Мирзояра Худоярова. Затем повстанцы разгромили и дотла сожгли управление старшего аксакала муллы Юлдашева.

Число восставших непрерывно увеличивалось. Появилось много верховых дехкан и городских жителей. Среди повстанцев раздавались голоса, призывающие идти в новый город Джизак с требованием отмены набора и уничтожения списков. В это время Назир-Ходжа Абдусалямов был провозглашен джизакским беком. Вооружившись палками, ножами, ураками, кетменями, пешие и конные, повстанцы, во главе с Абдусалямовым, направились в новый город Джизак.

Тем временем сбежавший старший аксакал мулла Хадырбай Юлдашев успел приехать и доложить уездному начальнику полковнику Рукину о начавшемся восстании. Полковник был весьма обеспокоен сообщением аксакала. Он приказал своему помощнику подполковнику Афанасьеву немедленно выслать войска в старый город, а сам вместе с приставом штабс-капитаном Зотогловым, старшим аксакалом Юлдашевым и группой вооруженных джигитов спешно выехал к месту восстания.

На полпути от нового города к старому Джизаку Рукин увиделдвигающуюся ему навстречу огромную массу пешего и конного восставшего народа. Уездный начальник попытался уговорить толпу и даже обещал прекратить набор, но повстанцы, продолжая наседавать на вооруженную свиту Рукина, кричали: «Не верьте ему!» «Не дадим рабочих!» Тогда полковник Рукин, угрожая оружием, попытался задержать восставших на месте до подхода вооруженных сил подполковника Афанасьева. Это послужило сигналом: в одно мгновение вооруженная

группа, во главе с Рукиным, была разоружена и перебита.

Вооружившись трофейными винтовками, шашками и револьверами, повстанцы двинулись в новый город Джизак. Для прикрытия своих основных сил повстанцы выделили головной отряд из наиболее физически крепких и хорошо вооруженных пеших и конных людей.

Из-за поворота показался вооруженный отряд подполковника Афанасьева. Повстанцы не растерялись и взяли инициативу наступления в свои руки, они пытались окружить отряд и в первую очередь захватить командира, подполковника Афанасьева.

Произошло настоящее сражение. Несмотря на то, что команда царских войск вела сильный огонь и бой происходил почти на открытом месте, джизакцы стойко держались. Только после многократных залповых выстрелов со стороны войск повстанцы, оставив десятки убитых и раненых, вынуждены были отступить в старый город.

Известие о восстании в Джизаке с быстротой молнии облетело близлежащие кишлаки. Движение начало перебрасываться в уезд. В ряде кишлаков был объявлен поход на помощь восставшему Джизаку.

Подполковник Афанасьев не решился преследовать отступавших повстанцев и отдал приказ команде перейти к обороне в том месте, где расходятся дороги в новый город и на станцию Джизак. Он нуждался в подкреплении.

Подполковник Афанасьев задержал эшелон, следовавший с конским составом на Закавказский фронт, и из солдат, сопровождавших этот эшелон, организовал новый отряд в 35 человек. Пополнив, таким образом, свои вооруженные силы, Афанасьев двинулся дальше по пути в старый город. Отойдя 3 — 4 километра, он обнаружил трупы уездного начальника Рукина, пристава Зотоглова и джигитов. Забрав трупы убитых, Афанасьев возвратился в новый город.

Отступившие повстанцы усиленно вели в старом городе подготовку к новым боям, к новому наступлению. Они мобилизовали всех мастеров для изготовления холодного оружия, запасались продуктами, попол-

няли свои ряды и вооружались. Собравшись с силами и разделившись на две части, они снова повели наступление. Не встретив большого сопротивления, одна часть повстанцев прорвалась на станцию Джизак, а вторая часть вышла на железнодорожную линию по пути от станции Джизак к станции Ломакино.

Восставшие массы прекрасно понимали, что разрушить железную дорогу — значит задержать переброску в Джизак царских карательных войск из Ташкента или Самарканда.

Станцию Джизак пытался отстоять отряд жандармов и вооруженных железнодорожных служащих, но, не выдержав напора восставших, вынужден был отойти в новый город. Повстанцы вместе с присоединившимися к ним железнодорожными рабочими-узбеками разрушили телефонную и телеграфную линии, подожгли нефтяные баки, сожгли казармы и другие станционные сооружения. Станция была разгромлена, и железнодорожное сообщение прервано.

Второй отряд повстанцев на перегоне между станциями Джизак и Ломакино напал на поезд, разрушил путь, сжег несколько мостов и разрушил связь. Движение поездов и здесь было приостановлено.

В новом городе Джизаке царил паника, все население укрылось в крепости. Бай и феодалы вывозили свое имущество из старого города и прятали его в поле и садах. Город охранялся усиленными заставами и конными патрулями.

События продолжали быстро развиваться. Вслед за Джизаком восстание распространилось по всему уезду. Особенно сильным оно было в долине реки Санзар, в Зааминском и Богданском районах. Собирались огромные толпы людей, вооруженных ножами, палками, пиками и небольшим количеством ружей. Эти разрозненные толпы начали принимать вид организованных отрядов. Во главе восставших Санзарской долины встал энергичный и отважный дехканин-середняк Шайзак Садыков, из кишлака Бахмал.

К повстанцам Заamina и Богдана так же, как и к повстанцам Джизака, пытались примазаться реакционные

элементы из байско-феодалной знати. Они пытались возглавить восстание, чтобы использовать его в своих интересах. В Санзарской волости объявил себя санзарским беком казий Туракул Туралбеков. В Богданском районе был провозглашен ханом потомок бухарского эмира помещик Абдураман джевачи. Однако это обстоятельство не могло повлиять на характер восстания. Революционный натиск широких трудящихся масс неудержимо возрастал. Население этих районов, вооружившись холодным и огнестрельным оружием, нападало на представителей местной власти, на должностных лиц уездной администрации и полиции.

Восставшие зааминцы убили в кишлаке Ям волостного управителя и двух пятидесятников. Не успел зааминский участковый присягав, надфорный советник Соболев, выехать на подавление восстания в кишлак Ям, как восстание вспыхнуло в самом Заамине. Повстанцы разгромили все правительственные учреждения, а дела и книги сожгли. Вооруженная стража пыталась рассеять повстанцев, но не выдержала их натиска, отступила и забаррикадировалась в здании бойни, где она, во главе с приставом Соболевым, выдерживала осаду в течение трех суток до прихода царских войск.

Заметное недовольство в Богданском районе отмечалось еще 12 июля в связи с проходившим там совещанием местной администрации, пятидесятников и прочих влиятельных лиц. Недовольство росло не только против администрации, но и против влиятельных «сородичей», которые над кораном в мечети поклялись приставу, губернскому секретарю, Борилло всячески содействовать проведению набора рабочих.

13 июля как только дошли слухи о Джизакском восстании, народ Богдана выступил. Огромная толпа восставших, собравшаяся на базарной площади, направилась к управлению участкового пристава, чтобы убить его. Но пристав Борилло успел скрыться. Восставшие богданцы разгромили полицейское управление, сожгли все имущество и дела и разогнали вооруженную стражу.

Повстанцы Заamina и Богдана объединенными силами выступили против карательных отрядов. Огромные толпы

зааминцев и богданцев, вооруженные палками, серпами, кетменями, а некоторые охотничьими ружьями, направились громить железнодорожные станции Обручево и Ломакино, чтобы прервать сообщение между Джизаком и Урсатьевской и, тем самым, предотвратить быстрый подход карательных отрядов.

В это время военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Лыкошин, руководивший подавлением восстания, находился с карательными отрядами на ст. Урсатьевская. Для охраны станций и борьбы с пожарами Лыкошин организовал вооруженный отряд в количестве 35 человек и под командованием инженера Василевского и ревизора Максимова отправил его со станции Урсатьевская в сторону Джизака. Добравшись до станции Обручево, отряд Василевского вступил в перестрелку с наступающими повстанцами, но дальше продвинуться не мог. Израсходовав боеприпасы и видя превосходство сил повстанцев, Василевский был вынужден запросить срочной помощи.

Губернатор приказал взять солдат из команды, охранявшей военнопленных, и из рядовых, сопровождавших конный эшелон на Кавказский фронт, создал новый отряд под командованием прапорщика Иванова и направил его на подкрепление Василевского.

Всю ночь с 13 на 14 июля шли упорные бои за станцию Обручево. Железнодорожная администрация была вынуждена возвратить два поезда со станции Обручево на станцию Урсатьевская: пассажирский и товарный. Интенсивная стрельба почти не прекращалась. Повстанцы огромной толпой, с криками и шумом, напали на станцию, постепенно окружая ее со всех сторон. Войска Василевского и Иванова залпами вели огонь по наступающим отрядам повстанцев, но последние упорно и бесстрашно продолжали борьбу.

Около полуночи восставшие начали окружать станцию Обручево. На перегоне Обручево — Урсатьевская повстанцы подожгли мост. Опасаясь окружения и потери пути отхода, начальник отряда Василевский вынужден был отступить и вывести со станции сначала эшелон, а затем и людей.

Заняв станцию, восставшие подожгли все станционные постройки, разрушили водокачку, уничтожили имущество и все дела в учреждениях.

Огню и разрушению была предана и станция Ломакино.

Между станциями Обручево и Ломакино повстанцы жгли шпалы, деревянные мосты, разрушали телеграфно-телефонную линию, во многих местах отвинтили гайки, а рельсы бросали с насыпи под откос.

Повстанцы продолжали активно выступать против карательных отрядов. Из Богдана и Санзара была послана помощь Джизаку. 14 июля, рано утром, из Ташкента в распоряжение Лыкошина на станцию Урсатьевская прибыл карательный отряд в составе двух рот пехоты, двух батарей артиллерии и взвода саперов, под командованием полковника Владиславлева.

С этим отрядом генерал Лыкошин в тот же день двинулся в город Джизак. Для исправления пути и восстановления движения был выслан специальный ремонтно-восстановительный отряд. Разрушения были настолько велики, что потребовалось дополнительно вызвать ремонтный поезд из Самарканда. Поезд генерала Лыкошина прибыл на станцию Ломакино только к 5 часам вечера 15 июля, а от станции Ломакино до станции Джизак он следовал свыше 6 часов.

На второй день, 16 июля утром, в Джизак прибыл с новыми вооруженными силами начальник объединенного карательного отряда полковник Иванов, специально назначенный приказом командующего округа.

Вооруженные силы, посланные царскими властями на подавление восстания в Джизаке и Джизакском уезде, составляли: 13 рот пехоты, три казачьи сотни, взвод саперов и 2 батареи артиллерии.

Полковник Иванов приказал своим войскам «действовать, исполняя задачи быстро, решительно и беспощадно». Были запрещены всякие «сборища» и сходки как в помещениях, так и под открытым небом. 17 июля весь Туркестанский край был объявлен на военном положении. Все станции и крупные населенные пункты, от ст. Милутино до ст. Урсатьевской, по линии железной дороги, были

взяты отрядами солдат. Крупные гарнизоны были созданы в г. Джизаке, Заамине, Богдане и в некоторых других пунктах. Все вооруженные силы были разделены на пять оперативных групп, каждая группа состояла из пехотной части и конницы; лошади и седла были взяты у дехкан.

Полковник Иванов начал решительные военные действия против повстанцев Джизакского уезда. 18 июля был полностью занят старый город Джизак, повстанцы были оттеснены в горы, а город, особенно центр, разрушен.

В этот же день в Заамине карательный отряд рассеял оружейными залпами и пулеметным огнем многотысячную толпу восставших и оттеснил их в горы. Затем конный казачий отряд с пулеметами, высланный из Джизака, разбил тысячный отряд повстанцев, действовавший в отдаленных окрестностях Джизака и в горах Балакты.

В долину реки Санзар и на перевал Гуралаш были снаряжены три подвижных колонны: две из Джизака и одна из Заамина. Дробя на части силы повстанцев и лишая их продовольственной базы, карательные отряды сравнительно быстро разгромили повстанцев и принудили их к сдаче.

Восстание в Джизакском уезде пошло по нисходящей линии. Массы не в состоянии были дальше вести борьбу с хорошо вооруженными царскими войсками. Повстанцы постепенно прекращали сопротивление, расходились по кишлакам и скрывались в горах.

По всему уезду проходила дикая расправа с повстанцами.

20 июля были пойманы многие руководители восстания Санзара и других волостей. 21 июля в селении Кли произошла последняя схватка повстанцев с высланным из Джизака карательным отрядом.

В начале боя четырехтысячная толпа повстанцев заставила отступить обратно в Джизак карательный отряд подполковника Афанасьева, состоящий из 30 казаков с пулеметами. Но после получения подполковником Афанасьевым подкреплений, повстанцы в селении Кли были наголову разбиты. Они массами бежали в горы, в различные бекства Бухары. Назир-Ходжа был пойман, а Абду-

рахман джевачи еще до окончательного разгрома сам сдался на милость царских властей.

1 августа полковник Иванов писал туркестанскому генерал-губернатору, что в районе наступило затишье и теперь остается лишь отыскать и наказать виновников-бунтовщиков.

Царизм исключительно жестоко расправился с трудящимися г. Джизака и Джизакского уезда. Военно-полевому суду было предано 76 человек. Из них только по одному Джизаку было приговорено к повешению 32 повстанца, а остальные осуждены на разные сроки каторжных работ и тюремного заключения. У джизакцев было отобрано около 2000 десятин земли. Город Джизак и крупные кишлаки были преданы огню и разграблению.

Национально-освободительное движение узбекского народа в 1916 году достигло наивысшей точки в Джизакском вооруженном восстании, длившемся почти всю вторую половину июля. Участие широких трудящихся масс дехканства, городской бедноты и местных железнодорожных рабочих определило исключительно активный и организованный характер восстания. В своей борьбе повстанцы опирались на уже накопленный опыт борьбы трудящихся в других городах, особенно в Ташкенте, и на поддержку восставших Ферганской области. Большое значение для успеха восстания имело разрушение коммуникаций (железнодорожный путь) царских войск между Джизаком и ст. Урсатьевская.

Восстание было подавлено, но оно послужило важным уроком для трудящихся масс, явилось школой политической борьбы и значительно повысило политическое сознание узбекского народа.

Трудящиеся массы Узбекистана поняли, что ликвидировать двойной гнет они смогут лишь с помощью великого русского народа, под руководством большевистской партии.

Восстание 1916 года было одним из важнейших этапов подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей узбекскому народу путь к свободной и счастливой жизни.

Я. СЕРЫЙ

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

В бурном народном восстании 1916 года в Узбекистане видное место занимают события, развернувшиеся в уездах бывшей Ферганской области.

По размаху и массовости движения, по приемам борьбы восставших и количеству войск, направленных царскими властями для предотвращения дальнейшего развития народного восстания, Ферганская область стоит на первом месте после Джизака.

Развитие товарно-денежных отношений и вовлечение сельского хозяйства Туркестана через Россию в мировую торговлю, при сохранении и господстве докапиталистических форм эксплуатации, ускоряли классовую дифференциацию дехканства и приводили к деформации узбекского кишлака.

Но дифференциация и деградация дехканского хозяйства, в условиях крайне незначительного и одностороннего развития промышленности в колониальном Туркестане, приводили не к пролетаризации трудящихся масс дехканства, а к прямой пауперизации их; обуславливали своеобразное прикрепление дехканских масс к земле и создавали аграрное перенаселение в крае.

Процесс резкого расслоения масс дехканства в Ферганской долине, которая являлась житницей хлопка для русской текстильной промышленности и была наиболее тесно связана с хозяйственной системой России, приводил, с одной стороны, к выделению небольшой группы

эксплоататорских элементов и к разорению, обнищанию и обезземеливанию широких слоев трудового дехканства, — с другой.

В предвоенные годы процесс разорения и обнищания узбекских трудящихся масс в районе Ферганской долины развивался стремительными темпами.

Экспроприация земель узбекского и киргизского дехканства и передача их русским переселенцам также способствовала обезземеливанию дехканства.

В северо-восточной части Ферганской области было создано 50 русских поселков с площадью более 80 тысяч га.

Финансовый и торгово-ростовщический капитал превратил хозяйство дехканна-хлопкороба в источник самой жестокой эксплуатации и наживы. Крупные землевладельцы-баи, концентрируя в своих руках большое количество земли и инвентаря, не вели самостоятельного хозяйства с производством сельскохозяйственных продуктов на рынок, свои земли, скот и инвентарь они сдавали в аренду малоземельным и безземельным дехканам. Арендаторы мелких участков земли «парцелл» вынуждены были прибегать к баям, комиссионерам и скупщикам хлопка за ссудой на семена, к аренде инвентаря и скота, заранее отдавая львиную долю своего урожая. Процветала кабальная форма отработочной ренты.

Если у чайрикера не было скота и инвентаря, его доля урожая составляла всего $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{5}$ часть, при наличии того и другого она повышалась до $\frac{1}{2}$ части. Кабальные условия аренды приводили к огромной задолженности дехканства.

Уже в 1903 г. около половины дехкан Ферганской долины являлись неоплатными должниками. По данным судебного ведомства за 1914—1915 гг., дехканству Ферганской области было предъявлено исполнительных листов на сумму свыше 16 милл. рублей.

В дневнике генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина содержится характеристика экономического положения местного населения отдельных областей края. Картина получилась безотрадная, хотя автора дневника трудно заподозрить в желании сгустить краски.

«За последнее время, с ростом богатства отдельных лиц, есть признаки, что масса не богатеет... У хлопковых королей роскошные дворцы... За долги у туземцев продавалось во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь».*

Годы мировой войны резко усилили закабаление трудящихся масс. Установление низких «нормированных» цен на хлопок, при наличии свободных цен на пшеницу и прочие продукты питания, серьезно ударило по бюджету хлопкоробов. В 1916 г. цены на пшеницу, по отношению к ценам на хлопок, поднялись в 3 раза. К этому следует добавить частые реквизиции скота, различные обложения и «добровольные» сборы на «нужды войны». Произвол царского аппарата в этот период достиг своего апогея. Чиновники местной администрации обогащались за счет доведенного до последней крайности дехканства.

Во время поездки Куропаткина по Туркестану в 1916 г. к нему поступали бесчисленные жалобы трудящихся: «В Коканде старики плакали, говорили... что их грабят их же туземные власти. Нельзя жить. Просят защиту»,** — пишет Куропаткин в «своем дневнике».

Народные массы Туркестана со времени завоевания Средней Азии русским царизмом неоднократно поднимали знамя борьбы за свою национальную независимость. В этой борьбе трудящиеся Ферганской долины часто играли ведущую роль.

Только последние 15 лет XIX столетия ознаменовались тремя значительными выступлениями трудящихся Ферганской долины. Восстание 1885 г. в Фергане, попытки восстания в Ферганской долине в 1891 г., Андижанское восстание 1898 г. — рисуют яркие картины героической борьбы узбекского народа за свою национальную независимость.

В Фергане за 18 лет (1899—1917 г.) насчитывалось больше 2200 выступлений дехканской бедноты. Это в 8 раз больше, чем во всем Семиречье.

* «Красный архив», 1929 г., 3(34), стр. 53.

** Там же.

В 1913 г. по Ферганской области зарегистрировано 632 «преступления против порядка управления» со стороны городского и дехканского трудового населения.

После революции 1905 — 1907 гг. борьба трудящихся масс носит более ярко выраженный классовый характер и направлена не только против царских колонизаторов, но и против местных эксплуататоров.

Народные массы Ферганской долины вступили в восстание 1916 г., обладая значительным опытом борьбы.

7 июля в Фергане состоялось совещание начальников уездов области, на котором рассматривались вопросы, связанные с проведением в жизнь царского указа от 25 июня за № 1526. Ферганская область должна была дать на тыловые работы 50 тысяч человек. Эту цифру разверстали по уездам следующим образом: Скобелевский уезд — 11 700, Кокандский — 10 700, Наманганский — 11 300, Андижанский — 10 600, Ошский — 5 700*. Предложено было немедленно составить списки призываемых и начать набор.

При первом сообщении о наборе на тыловые работы города и кишлаки области пришли в движение. В первых числах июля общее возбуждение масс переросло в массовое восстание против колониального режима. Народные массы поднимались на борьбу.

9 июля в старом городе Андижане начальник уезда полковник Бржезицкий собрал в мечети «Джами» «должностных лиц туземной администрации и много народу»: среди собравшихся было значительное число учащихся школ медресе. По материалам следствия, собралось около 5 тысяч жителей. Бржезицкий объявил «высочайшее повеление» о наборе местного мужского населения на работу в тылу действующей армии.

В ответ послышались крики: «Не дадим рабочих, не пойдем». Толпа стала «напирать на уездного начальника и сопровождавших его чинов полиции». Бржезицкий и представители полиции были вынуждены оставить мечеть.

* ЦИА УзССР, ф. 11. КТГГ, д. 1211, л. 10.

После их отъезда возбужденная толпа, «вооружившись камнями, железными и деревянными палками, ножами, кетменями, бутылками и другими увесистыми предметами», направились в новый город на Гультепитскую площадь.

Здесь восставшие встретили экипаж, в котором ехал полковник Бржезицкий, и потребовали от него выдачи подписки в том, что распоряжение о наборе рабочих будет отменено, угрожая в противном случае «разгромить имущество должностных лиц туземной и русской администрации». В ответ на приказание Бржезицкого разойтись, в него «градом полетели камни, палки, кетмени и другие предметы». Наступавшая масса стала разоружать полицейских. Подоспевшие 2 взвода казаков совместно с полицией открыли огонь. Были убитые и раненые.

Начальник Андижанского уезда в своем донесении военному губернатору области указывал, что в Андижане провести набор на тыловые работы возможно только силой.

В обвинительном заключении наиболее активные участники андижанских событий — Мамад Али Абдукаримов, Юсупджан Таш-Пулатов, Астанкул Юсупбаев — отмечаются как «главные действующие лица».*

В этот же день в 5 часов утра в селении Газы-Яглык, Араванской волости, Кокандского уезда у дома волостного управителя собралась огромная толпа местных жителей мужчин и женщин. Они требовали немедленно выдать списки. Раздавались крики: «В мардикеры не пойдем». Были убиты волостной управитель и несколько джигитов. Списки были уничтожены. Прибывшие полиция и воинский наряд разогнали восставших.

В селении Шейхляр Файзибадской волости в тот же день был сожжен дом аксакала Юсупова и также уничтожены списки призываемых.

Беспорядки вспыхивали то в одном, то в другом месте уезда.

О подавлении восстания начальник Кокандского уезда в рапорте на имя военного губернатора Ферганской области писал:

* ЦИА УзССР, ф. 11, КТГГ, д. 150, л. 5.

«Мною собраны полицейские, вызван воинский наряд..., прибывшие на место происшествия оцепили оставшуюся к этому времени толпу... Дознание производится, арестовано 328 человек».*

При первом сообщении о беспорядках в Андижане и Кокандском уезде военный губернатор Ферганской области Гиппиус телеграфировал генерал-губернатору края все подробности восстания, а в шифрованной телеграмме на имя начальника штаба Туркестанского военного округа просил срочно выслать дополнительные войска. «Ввиду возникших беспорядков в Андижане и поблизости Коканда... ходатайствую в спешном усилении гарнизонов полусотней казаков в Андижане и столько же в Коканде».**

Пламя восстания перебрасывалось из уезда в уезд, из района в район и проходило главным образом в виде уничтожения посемейных списков, избияния и убийства волостных управителей, разгрома домов баев, убийства народных судей и других должностных лиц местной администрации. При этом почти всюду повстанцы вступали в схватки с полицией и войсками.

10 июля вспыхнуло восстание в старом Маргелане, Скобелевского уезда. На городской площади собралось около 20 тысяч человек, и с криками: «Не дадим народ в солдаты, бей полицию, бей аксакалов» собравшиеся набросились на подполковника Пехотина, полицейского пристава Никифорова, аксакалов и «с целью лишить их жизни, нанесли всем (8 человек — Я С.) удары в голову... отчего последовала смерть»*** При нападении на квартиру, в которой прятались некоторые полицейские, восставшие, «с целью возбудить неуважение к особе царствующего государя императора, заочно оскорбили его, проткнув палками находившиеся в означенной квартире изображения государя императора, крича при этом: «Бей!»****

* ЦИА УзССР, ф. 11, КТГГ, д. 1132, л. 14.

** Там же, д. 1211, л. 5.

*** ЦАОР УзССР ф. ТВОС, д. 204, лист 73.

**** Там же.

Перепуганный широким размахом восстания, Гиппиус в зашифрованной телеграмме на имя Куропаткина писал: «Сегодня, 10 июля, по поводу объявления набора рабочих в старом Маргелане, толпой убит русский стражник, два аксакала, один полицейский-туземец и еще четверо — всего восемь. Из Скобелева прибыла сотня казаков, однако к тому времени толпа уже рассеялась».*

В приказе по войскам Туркестанского военного округа от 7 октября 1916 г. содержатся подробные сведения о выступлении трудящихся Яз-Яванской волости, Скобелевского уезда.

11 июля около селения Хунузляр восставшие встретили пригородного участкового пристава Скобелевского уезда Яхина и потребовали от него подписки в том, что он не будет проводить набор на тыловые работы. После этого восставшие совершили «рейд» по селениям: Хунузляр, Куприк-Башир, Чаганак, Хатын-Арык, Кош-Куприк, Джинидяр, где убивали десятников, аксакалов и старшин, громили их дома, канцелярии, сжигали и уничтожали списки и дела.

Восставшие отбирали у представителей местной администрации холодное и огнестрельное оружие, обращая его против отряда казаков, посланного на подавление восстания. Участники восстания, говорится в упомянутом выше приказе, «будучи вооружены частью похищенными в разных местах, а частью принесенными с собою ружьями, двинулись толпой против означенного отряда (казаков — Я. С.) и оказали ему явное сопротивление»... 36 человек — привлеченные к ответственности за участие в восстании выступили, «...по предварительному между собою и с другими, следствием не обнаруженным, лицам соглашению».**

С каждым днем восстание принимало все более массовый характер, охватывая новые уезды области. Гарнизоны требовали подкреплений. «Угрозы уездному начальнику перерезать в случае не отмены набора рабочих приводятся туземцами в исполнение. Сегодня вечером убит

* ЦИА УзССР, ф. 11, КТГГ, д. 1132, лист 8.

** ЦАОР УзССР, ф. ТВОС, д. 157, л. 13.

волостной управитель и два джигита в 10 верстах от Андижана. В виду разбросанности кишлаков уезда, прошу командировать по меньшей мере сотню казаков»* — телеграфировал начальник Андижанского гарнизона Бородин.

В тот же день из Скобелева были отправлены сотня казаков в Андижан и 2 взвода в кишлаки старого Маргелана.

11 июля вспыхнуло восстание в Намангане. В Лябий-Тагайской части города собралась большая толпа возмущенных жителей. Несмотря на требование полиции немедленно оставить площадь, толпа все увеличивалась. Протестуя против набора, повстанцы с криками: «Рабочих не дадим», «Ур, ур» (бей) бросились на полицейских, но были рассеяны пулеметным огнем. На следующий день вспыхнуло восстание в селении Пешкари в 40 верстах от Намангана. Начальник гарнизона уезда телеграфировал в Ташкент: «11 июля утром громадная толпа туземцев, несмотря на увещания и вызов войск, угрожающе вела себя, хватаясь за оружие. Пришлось применить оружие. Убито 12, ранено 38».**

Гиппиус со своей стороны просил направить из Ташкента дополнительные войска. «Ходатайствую об усилении гарнизона в Намангане полусотней казаков и одной ротой, Коканде — одной ротой, в Андижане — двумя ротами для защиты русских поселенцев».**

Таким образом, в течение 3 дней со дня восстания в Андижане, движение охватило 4 уезда области. Начиная с 13 июля, на протяжении нескольких дней, очаги восстания в уездах области расширяются главным образом за счет близлежащих кишлаков. В Андижанском уезде в эти дни серьезные выступления имели место в Джаля-Кудукской волости. Здесь восставшие угрожали «сельским властям расправиться с ними за то, что они продали народ правительству»***.

* ЦИА УэССР, ф. 11, КТГГ, д. 1132, л. 11,

** Там же.

*** Там же, л. 52.

**** ЦАОР УэССР, ф. ТВОС, д. 204, л. 56.

17 июля на борьбу поднимаются трудящиеся Ашской волости; «имея при себе топоры, ножи, камни, они убили управителя волости».* Восстают трудящиеся селений Уйни, Ходжи-Абад, Уйчур, Варзин, Машад, Гиндуал, Чадан, Пак, Кизыр-Рават, Яр-Курган, Джар-Булак, Пнук, Алмаз — Наманганского уезда; Суфи-Кишлак, Кала, Куторма, Мир-Абад, Илятань — Андижанского уезда; Шарихан, Ишан-Гузар и других кишлаков Скобелевского уезда; Кудаш — Кокандского уезда и другие.

В середине июля вся Ферганская долина была охвачена огнем восстания. Областная и уездная власти были обеспокоены уже не тем, что прекратился набор на тыловые работы, а размахом народного движения, которое трудно было подавить. «В настоящий момент ближайшая задача управления заключается в восстановлении порядка, о насильственном же наборе рабочих пока нечего думать» ** — сообщил 15 июля Гиппиус генерал-губернатору края.

Под ударами восставшего народа разваливается административный аппарат местной власти, чиновники, напуганные движением, убегают. «Из всех уездов я получаю очень тревожные сведения», — сообщает Гиппиус в Ташкент. «Туземная администрация уездов напугана настолько, что бежит из волостей в город, боясь кровавой расправы». Далее Гиппиус требует срочно направить «для охраны железных дорог 1000 нижних чинов и еще одной дружины для охраны русских поселков».

Кроме того, он просит дополнительно прислать 6 сотен казаков «для распределения по одной на каждого участкового пристава»*** В этой же телеграмме Гиппиус просил объявить Ферганскую область на военном положении и предоставить ему права главнокомандующего.

17 июля, находясь в Андижане, ферганский военный губернатор еще раз телеграфирует в Ташкент «...о бегстве туземных властей, опасующихся кровавой расправы азбутовавшейся черни»****

* ЦАОР УзССР, ф. ТВОС, д. 204, л. 266.

** ЦИА УзССР, ф. 11, КТГГ, д. 1132, л. 25.

*** Там же, л. 44.

**** Там же, л. 54.

Изучение документального материала о восстании 1916 г. в Ферганской долине дает возможность утверждать, что наиболее упорный и массовый характер имели выступления в Андижанском уезде и Маргеланской волости. По неполным подсчетам, здесь в восстании принимало участие не менее 45 тысяч человек. Борьба трудящихся в этих районах является одной из самых ярких страниц в истории восстания 1916 г. в Узбекистане. По всей Фергане отмечено 38 открытых выступлений; в ряде случаев применялось огнестрельное оружие (Коканд, Старый Маргелан, Наманган).

Выше нами были приведены факты, свидетельствующие об исключительной растерянности местной администрации в связи с восстанием. Об этом красноречиво говорят прежде всего телеграммы уездных начальников на имя военного губернатора области Гиппиуса и неоднократные сообщения последнего в Ташкент.

Наряду с военными мерами, Гиппиус пытался внести «успокоение» среди населения, используя влияние духовенства, купцов и баев, большинство которых само было заинтересовано в «восстановлении порядка».

Сам Гиппиус объезжал уезды, выступая перед народом с кораном в руках и целуя «священную» книгу. Ссылаясь на авторитет корана, он агитировал за помощь «белому царю» в войне с немцами.

17 июля было обнародовано обещание Гиппиуса об отсрочке набора на тыловые работы до 15 сентября. Это также было рассчитано на то, чтобы «умиротворить» поднявшийся народ. В эти дни весь Туркестан был объявлен на военном положении.

Одновременно с этим в Ферганскую область прибыли дополнительные войска с артиллерией, которыми распоряжался Гиппиус, как главнокомандующий войсками области. По словам Гиппиуса «Присланные войска с избытком достаточны для того..., чтобы разрушить и срав-

нить с землею всякое поселение, а в городе всякий квартал и даже целый туземный город».*

Необходимо признать, что ферганский военный губернатор умело проводил политику «пряника и кнута», но «успокоение» в области наступило не сразу. Именно поэтому он был смещен с должности, как «не сумевший проявить твердость власти».

В двадцатых числах июля восстание в Ферганской области пошло на спад. Уже в августе войска из Ферганы были выведены и брошены в Семиречье на подавление вспыхнувшего там восстания. Несмотря на обещание отсрочить выполнение указа от 25 июня, власти немедленно приступили к проведению набора.

Однако в дальнейшем в Ферганской области отмечаются неоднократные факты активного сопротивления трудящихся проведению набора на тыловые работы. В сентябре в Старую Бухару приезжал из Андижана аксакал, который рассказывал, «что андижанские сарты (узбеки) с большим неудовольствием дают рабочих для командирования в тыл действующей армии и сожалеют, отчего они одновременно с джизакскими сартами не восстали... тогда бы им не пришлось отдавать своих братьев на погибель в действующую армию».**

Восстание в Ферганской долине, являясь составной частью общего национально-освободительного движения 1916 г. в Узбекистане, носило антиимпериалистический и антифеодальный характер. Гнев народа был направлен не только против царских колонизаторов и местной туземной администрации, но и против местных эксплуататоров.

В восстании Ферганской долины принимали участие широкие массы трудящихся. Это определило народный характер движения. «Общепародно то движение, — указывал В. И. Ленин, — которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения».* Как везде в

* ЦИА УзССР, ф. 11, КТГГ, д. 1132, л. 81.

** ЦАОР УзССР, ф. «Политическое агентство в Бухаре», д. 1231, л. 41.

*** Ленин. Сочинения, том XVI, стр. 241.

Узбекистане, движение и здесь носило стихийный и разрозненный характер, несмотря на отдельные попытки внести элемент организованности.

Следует подчеркнуть исключительную массовость отдельных выступлений. В некоторых местах в движении участвовало одновременно до двух десятков тысяч человек. Применение повстанцами огнестрельного оружия усиливало размах движения и придавало ему более грозный характер.

Восстание в Ферганской области с 9 июля охватывает все большее количество кишлаков и уездов и 16—17 июля достигает своего кульминационного пункта. Во второй половине июля правительство подавило восстание и жестоко расправилось с повстанцами.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. К. Додонов.</i> Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане	5
<i>П. П. Миронов.</i> Июльское восстание 1916 года в Ташкенте ; ;	25
<i>И. Мавляни.</i> Джизакское восстание 1916 года . ; ; . . .	31
<i>П. П. Миронов.</i> Джизакское восстание 1916 года ; . . ; .	42
<i>Я. Н. Серый.</i> Восстание 1916 года в Ферганской долине . .	52

Редактор *Т. А. Баженова*

Техредактор *П. А. Уманский*

Сдано в набор 27/IV 1947 г. Подписано к печати 12/X 1947 г. Р 05480.
Формат 54×84/32. Уч.-звт л 3,6. Печати. л. 4. В 1 печ листе
3.904 знаков. Издание Госиздата УзССР. Договор № 296—46.
Тираж 5000. Индекс с/эч. Цена 1 р. 50 к.

Ташкент. Типография Объединенного изд-ва „Правда Востока“ и
„Кзыл Узбекистан“—1947. Заказ № 1368

1 р. 50 к.